

Развитие исторической науки в Венесуэле в период «просвещенной автократии» А.Гусмана Бланко.

70-е—80-е гг. XIX в., когда Венесуэлой правил Антонио Гусман Бланко¹, стали важнейшим этапом в ее развитии, периодом глубокой модернизации общества и проведения буржуазных реформ. Выступая от имени Либеральной партии, президент-генерал сумел покончить с региональным сепаратизмом, добиться ощутимых результатов в экономической сфере, упорядочить финансовые институты, усовершенствовать систему образования и в конечном итоге «создать новое законодательство, ликвидировавшее остатки колониального прошлого в жизни страны»². После Боливара, отмечал известный венесуэльский исследователь Р. Диас Санчес, Гусман Бланко оставил наиболее глубокий след в истории Венесуэлы и привнес подлинно революционное содержание в дело ее преобразования, особенно в годы своего первого президентства (1870—1877)³. В то же время политическая практика этого «либерального цезаря» нередко характеризуется как «карикатурный либерализм», «просвещенная» или «цивилизаторская» автократия, благодаря которой «либеральная олигархия» могла обеспечить себе доминирующее положение, уничтожая либо контролируя оппозицию⁴. Для упрочения своих позиций Гусман Бланко использовал различные механизмы воздействия на умы людей, включая прессу и систему образования, постоянно апеллировал к общественному мнению, старался внушить венесуэльцам, что именно либеральная концепция реформирования государства и общества, воплощенная в «федералистской конституции» 1864 г., в наибольшей степени соответствует интересам всех граждан страны.

Стремление модернизировать страну и одновременно обеспечить полный контроль над обществом заставило правящую либеральную элиту обратить внимание на состояние национальной культуры в целом и гуманитарных наук, особенно философии и истории, в частности. Следует отметить, что после войны за независимость на протяжении трех-четырех десятилетий практически невозможно было отделить от художественной литературы историю, которая в Венесуэле еще не рассматривалась как наука и имела чисто нарративный характер⁵. Примерно с 70-х гг. XIX в. эта традиция начала уходить в прошлое, однако не исчезла бесследно, поскольку и во времена «гусманато», и даже в первой по-

ловине – середине XX в. многие корифеи литературно-художественного жанра занимались также исследованиями в области истории и социологии, издавая, помимо беллетристики, научные и научно-популярные труды⁶.

В период «просвещенной автократии» в венесуэльской историографии сосуществовали и причудливо переплетались различные направления, отражавшие постепенную эволюцию общественной и исторической мысли после освободительной революции и развивавшиеся в рамках той или иной партийной традиции – консервативной и особенно либеральной, ставшей при Гусмане Бланко наиболее влиятельной. В политическом отношении к консерваторам или либералам могли примыкать представители столь разнородных идейных течений, как романтизм и костюмбизм («бытовой реализм» или бытописание)⁷, хотя порой они пытались отмежеваться от какой-либо идеологии и политики. В 70-е гг. «с опозданием на тридцать лет», как заметил выдающийся писатель и историк М. Пикон Салас⁸, в Венесуэле при поддержке либералов зародилась позитивистская научная школа, и среди образованной части венесуэльского общества все большую популярность приобретали идеи основоположника позитивизма француза О. Конта и английского биолога и социолога-позитивиста Г. Спенсера. Таким образом, годы правления Гусмана Бланко можно рассматривать как переходный этап в развитии национальной историографии⁹. Сам Гусман, высокообразованный человек, «продукт Французской революции», «либеральный буржуа с аристократическими замашками»¹⁰, немало повидавший во время своих путешествий по разным странам и подолгу живший во Франции, не без основания считался многими современниками покровителем образования, науки и искусства. Как справедливо отмечал венесуэльский историк и социолог Х. Хиль Фортуль, Гусман Бланко «не имел догматических предубеждений, если это не связано с политикой»¹¹, однако при нем политика активнейшим образом вторгалась в духовную сферу, и это не могло не отразиться на состоянии венесуэльской историографии.

Либеральная историографическая традиция зародилась в Венесуэле еще в начале 40-х гг. XIX в., когда духовным лидером и одним из основателей партии либералов-федералистов был Антонио Леокадио Гусман. С этого момента в политическом лексиконе слово «либерал» стало «синонимом прогресса, продвижения вперед, терпимости, свободы действий, правления лучших», а «годо» (консерватор) олицетворял «реакцию, отсталость, нетерпимость, авто-

кратию, правление немногих», – писал историк и публицист М. Брисеньо Перосо¹². История страны рассматривалась либеральными авторами сквозь призму партийной идеологии, которая, подобно религии, не подлежала ни критике, ни анализу. Как отмечал венесуэльский исследователь Р. Веласкес, историки-либералы «придумывали народ, жаждущий свободы и возможности управлять собственной жизнью посредством свободных выборов..., рисовали в своем воображении олигархию, которая препятствует этим стремлениям народа, повествовали о рождении Либеральной партии, созданной для борьбы с олигархией, и, наконец, заявляли о полном триумфе либерализма при Гусмане Бланко и осуществлении на практике его священных принципов»¹³. Такова была в общих чертах либеральная концепция венесуэльской истории.

Несомненной заслугой правительства либералов стала публикация многотомных сборников документов по истории войны за независимость, предпринятая в 1873—1883 гг. согласно личному указанию Гусмана Бланко. Хотя подобные издания появлялись и раньше, даже тогда, когда освободительная борьба едва завершилась, работа в этом направлении не носила систематического характера, а документы не подвергались должной классификации¹⁴. Многие интереснейшие материалы хранились в частных архивах, о которых мало кто знал, и лишь после Федеральной войны так называемые «историки-документалисты» приступили к их планомерному сбору и публикации.

Для либералов-«гусманистов» свидетельства героической борьбы венесуэльского народа против колониального гнета имели ценность не столько как реликвии прошлого, сколько составляли «идеологический фонд», который использовался в целях воспитания подрастающего поколения в духе патриотизма и для пропаганды либеральных ценностей, завещанных вождями освободительной революции. В своих исследованиях известный венесуэльский историк-марксист Х. Каррера Дамас показал, как с момента появления независимой Венесуэлы правящие круги, умело манипулируя историческим прошлым, способствовали распространению культа Боливара, внушали народу, что Боливар дал венесуэльцам свободу, равенство, республиканский строй и многое другое, следовательно, все уже завоевано, причин для новой социальной революции в Венесуэле нет, нужно лишь достойно распорядиться наследием Освободителя¹⁵, и это наследие должно было стать достоянием всех граждан страны. Так, между 1875 и 1877 гг. увидели свет «Документы по истории общественной деятельности

Освободителя Колумбии, Перу и Боливии» (14 томов), подготовленные Хосе Феликсом Бланко и Рамоном Аспуруа, а в 1879—1887 гг. были опубликованы 33 тома «Воспоминаний» адъютанта Боливара генерала Даниэля Флоренсио О'Лири, умершего в 1854 г.¹⁶ В начале 70-х гг. готовилось издание третьего тома работы известного либерала Фелипе Ларрасабаль «Жизнь Боливара», в котором предполагалось поместить около 3-х тысяч ценнейших документов, но, к несчастью, и сам Ларрасабаль (который, по его собственному признанию, потратил полжизни, собирая сведения о Боливаре), и все находившиеся при нем бумаги погибли в 1873 г. во время кораблекрушения¹⁷.

Таким образом, в период «просвещенной автократии» издание документов по истории Венесуэлы одобрялось, поощрялось и более того, инициировалось правительством, однако с публикацией исторических работ, не вписывающихся в рамки либеральной идеологии, дело обстояло не столь благополучно, тем более что Гусман Бланко вел непримиримую и последовательную борьбу с Ватиканом и местными церковными иерархами, считая противозаконным вмешательство церкви в политику и оставляя за государством главенство во всех сферах политической жизни¹⁸. По мнению Пикона Саласа, Гусман Бланко по сути принуждал венесуэльцев сделать выбор между ним и церковью¹⁹. Хотя католическая религия не подвергалась гонениям, как это было, например, в революционной Франции, обществу настойчиво предлагалась «гражданская религия», то есть поклонение героям и «священным местам», и в 1883 г. в Каракасе, в здании колониальных времен (церковь Сантисима Тринидад, 1744) был открыт Национальный пантеон, предназначенный для захоронения останков выдающихся венесуэльцев.

В итоге, как свидетельствовал Хиль Фортуть, «во времена автократии невозможно было свободно писать о проблемах философии, религии или истории, и это не потому, что правительство постоянно посягало на свободу, а потому, что наиболее известные авторы в большинстве своем оставались ревностными католиками», кроме того, социальная и политическая обстановка в Венесуэле не способствовала распространению какой-либо «революционной пропаганды»²⁰. Действительно, подавляющее большинство венесуэльцев в то время вообще не было знакомо с революционными, то есть социалистическими идеями, хотя они уже нашли отражение в работах и публичных выступлениях выдающегося венесуэльского общественного деятеля, философа и писателя Фермина

Торо (1807—1865). Неудивительно и то, что после Федеральной войны, и особенно при Гусмане консервативное направление в венесуэльской историографии, в отличие от либерального, становится малозаметным, тем более что самые яркие и деятельные его представители, Педро Гуаль и Хуан Висенте Гонсалес, умерли еще в 60-е гг., а отношение «гусманистов» к политическим оппонентам, как было показано, не отличалось лояльностью. Вполне понятно, что консервативная концепция национальной истории явно не устраивала Гусмана Бланко и его окружение. Представители этого направления в историографии, в противоположность либералам, утверждали, что право, порядок и свобода царили в Венесуэльской республике в годы правления Хосе Антонио Пазса (имелись в виду два его первых президентских срока, 1830—1835 и 1838—1843 гг.), когда уважалась воля народа, проявившаяся в избрании на пост президента в 1835 г. замечательного патриота, ученого и писателя Хосе Марии Варгаса, который доказал, что Венесуэлой могут управлять не только генералы, пришедшие с полей сражений. Иными словами, сокрушались консерваторы, если в 30-е – первой половине 40-х гг. действовали конституция и законы, то потом демагогия А. Л. Гусмана нарушила нормальное развитие Республики, и тогда у власти утвердились братья Монагасы (1847—1858), опиравшиеся на эту демагогию, затем наступила анархия, а финалом всего этого стал приход Гусмана Бланко с его оскорбительной тиранией²¹. Так выглядела магистральная линия венесуэльской истории в изображении консервативных авторов.

Несмотря на неблагоприятный политический климат и жесткое идеологическое давление либералов на общество, история, постепенно превращавшаяся в науку, привлекала внимание все новых исследователей. Обращение к колониальному прошлому, сюжетам времен войны за независимость и событиям послереволюционных десятилетий зачастую было связано со стремлением людей образованных и мыслящих понять, что происходит в стране и каково ее будущее.

В 70-е—80-е гг. в Венесуэле, как и в других странах Латинской Америки, сохранялись традиции романтизма, причем это наблюдалось как в художественной, так и в исторической литературе, хотя к этому времени ушли из жизни многие выдающиеся представители этого течения²². Уже упоминавшийся Ф. Ларрасабаль, либеральный журналист, писатель и историк-романтик, опубликовал свой главный труд «Жизнь Боливара» (2 тома) еще до установления режима «гусманато», в 1865 г., представив Освободителя

как триумфатора и почти сверхчеловека, а его жизнь – как героическую эпопею. Это издание пользовалось популярностью и в период «просвещенной автократии», способствуя распространению культа Боливара и других героев войны за независимость. В 1875 г. вышли в свет «эпические песни в прозе» известного писателя, «Гомера Республики»²³ Эдуардо Бланко (1837—1912) под названием «Героическая Венесуэла». Этот труд был весьма благосклонно и даже восторженно встречен в литературных и научных кругах²⁴, хотя здесь, конечно же, сказалась политическая конъюнктура того времени. Творение Бланко знакомило читателей с реальными фактами, людьми, многочисленными сражениями, оно «породило у трех или четырех поколений венесуэльцев иллюзию, что мы все можем быть такими же героями, как Паэс, и столь же добродетельными, как Сукре, и самоотверженными, как Негро Примеро», – отмечал Пикон Салас²⁵. Удивительно, что такое патетическое произведение, написанное в чисто романтическом духе, заслужило высокую оценку даже у тех авторов, которые обычно отвергали свойственные романтизму преувеличения, восторженность, сентиментальность, отрыв от действительности. Это объясняется в первую очередь общепризнанным литературным талантом Э. Бланко, настоящего мастера художественного слова, перу которого принадлежат и другие произведения исторического содержания, близкие по характеру к «Героической Венесуэле» («Ночи Пантеона», «Эпические традиции»), а также романы и повести. В целом же романтизм, зарождение которого в Латинской Америке датируется примерно 1830 г., в последней трети XIX в. постепенно отодвигается на задний план как в Венесуэле, так и в других странах региона, и, сохраняя прежние художественные формы, меняет свое содержание – все большее значение приобретает проза, в которой наблюдается тенденция к социальной тематике, историографичности и полемическому тону²⁶.

«Лечению болезней романтизма» в художественной и исторической литературе способствовало зарождение и развитие, начиная с 40-х гг. XIX в., такого характерного для Латинской Америки течения, как костюмбизм. После освободительных революций в независимых республиках, среди которых не составляла исключения и Венесуэла, на протяжении многих десятилетий сохранялся трагический контраст между реальными условиями существования большинства населения и чисто декоративными законами, учреждениями и стилем жизни, перенесенными на латиноамериканскую почву из Европы и маскирующими ужасающую нищету, отста-

лость и запустение, царившие на большей части территорий. Одним из первых венесуэльских костюмбристов стал ученый, математик и астроном Хуан Мануэль Кахигаль (1802—1856), который значительную часть своего времени посвящал изучению и описанию обычаев отсталого, с его точки зрения, менталитета своих сограждан, живописно передавая местный колорит и особенности жизненного уклада в том или ином районе. Однако, как подчеркивал венесуэльский историк Х. Лискано, Кахигаль «думал не о сбережении для потомков этих характерных черт жизни, которые он скорее порицал, а хотел обратить внимание на кризис сознания»²⁷, чтобы способствовать его преодолению. Иными словами, Кахигаль и принадлежащие к его кругу бытописатели, не чуждые и исторических сюжетов²⁸, были еще далеки как от науки, называемой этнологией, так и от систематического собирания фольклора – произведений устного, танцевального, музыкального народного творчества и тем более не занимались его сохранением и всесторонним изучением.

Если Кахигалья считают первым венесуэльским костюмбристом, то честь называться первым фольклористом выпала на долю Аристидеса Рохаса (1826—1894), «гениального дилетанта» (он получил систематическое образование лишь в области медицины), «антиквара Нового Света»²⁹, оставившего заметный след в литературе и при этом занимавшегося естественными науками, географией, метеорологией, лингвистикой, археологией, историей, и, наконец, изучавшего народные традиции и устное творчество, особенно древние легенды. Само понятие «фольклор» и превращение его в самостоятельную научную дисциплину связывают в Венесуэле именно с трудами Рохаса, среди которых имелись работы монографического характера, отличавшиеся столь редкой в то время объективностью. Знаменитый венесуэльский историк и библиограф П. Грасес отразил в своей картотеке 788 публикаций, принадлежащих Рохасу, предполагая, что это неполный их перечень³⁰. В противоположность Кахигалю, Рохасом двигало не желание выявить и подвергнуть критике все то, что казалось признаком отсталости или умственного несовершенства народа, а стремление собрать подлинные материалы о жизни ушедших поколений, чтобы затем перейти к их анализу и классификации, добраться до самых корней венесуэльской истории. От своих современников-бытописателей Рохас отличался еще и абсолютной аполитичностью, что в период «гусманато» также наблюдалось нечасто. «Ему принадлежит двойная роль, – писал о Рохасе Х. Лискано, – он сим-

волизировал переход от неоклассицизма и романтизма к позитивизму и биологическому эволюционизму и в то же время создавал основы нашего исторического и научного мышления»³¹.

Действительно, творчество Рохаса в различных его проявлениях имело переходный характер, в нем можно уловить как отголоски романтизма («Исторические легенды»), так и черты зарождающегося позитивистского направления в истории и литературе. Кроме того, вслед за Андресом Бельо Рохас стал выразителем той тенденции в развитии исторической науки, которую принято называть «американизмом». В его трудах история Венесуэлы становится не только «историей испанцев», но и других этносов, внесших вклад в формирование венесуэльской нации – как индейцев, так и африканцев, чье влияние в некоторых районах страны, где издавна существовало плантационное хозяйство, оказалось решающим³².

Другой значимой «переходной фигурой» был современник Рохаса Сесилио Акоста (1818—1881) – писатель, поэт, филолог, юрист и педагог, блестящий оратор и полемист, который, подобно Рохасу, воспринимал историю как науку. В то же время Акоста не сумел избежать присущей романтикам патетической восторженности, когда писал о своем кумире – Боливаре. Он изучал все аспекты деятельности Освободителя, но особенно глубоко исследовал его законодательную практику и конституционные идеи. Боливар был для него почти божеством, и «в тот день, когда мировая политика примет вид планетарной системы, он станет Солнцем», – говорил Акоста³³. В отличие от Рохаса, он не оставил крупных произведений исторического характера, которые можно было бы назвать монографическими исследованиями и которые полностью отражали бы его научное мировоззрение. Библиографическое наследие Акосты – это разбросанные по разным изданиям статьи, поэмы, очерки, письма, наброски, речи. «В области истории и философии его больше интересовали принципы, которые их питают, чем документы, содержащие информацию. Поэтому он скорее наставник, чем исследователь», – отмечал Х. Лискано³⁴. Находясь в оппозиции к правительству Гусмана Бланко, Акоста не принимал активного участия в политической жизни и в то же время обращал внимание общества на самые болезненные проблемы современной ему действительности, выступал против насилия и несправедливости, полагая, что достойна осуждения любая революция, если с ее помощью пытаются добиться того, что можно сделать мирным путем, то есть посредством выборов. Его называют «великим гуманистом XIX в.»³⁵, и не случайно во время погребальной церемонии

в июле 1881 г. присутствовавший на ней великий кубинский революционер Хосе Марти сказал: «Он трудился, чтобы создавать людей...»³⁶. Как и Рохас, Акоста предвидел скорый и неизбежный закат романтизма с его искаженным пониманием прошлого и настоящего и приветствовал распространение в Венесуэле новых идей, которые уже завоевали европейские умы.

К более молодому поколению венесуэльских историков принадлежали Франсиско Гонсалес Гинан (1841—1932), занимавший министерские посты почти во всех правительствах Гусмана Бланко и его соратников, и Мануэль Ландаэта Росалес (1847—1920). Этих авторов сложно причислить к романтикам или позитивистам, и в ряде случаев они преследовали не столько научные, сколько политические цели, а их труды, в отличие от произведений Акосты и тем более Рохаса, представляли собой, по меткому определению Хилья Фортуля, «письменные заявления в защиту либеральной партии»³⁷. И Гинан, и Ландаэта Росалес были весьма плодовитыми авторами, оставившими обширное творческое наследие. Самым крупным произведением Гинана стала многотомная историческая хроника под названием «Современная история Венесуэлы», а библиография Ландаэты Росалеса содержит более двух десятков книг, примерно 70 брошюр и 150 статей на исторические темы, опубликованных в различных периодических изданиях, 48 биографий, кроме того, в его архиве хранилось множество всевозможных документов, например, послужные списки венесуэльцев, известных своими заслугами перед страной³⁸. Иными словами, Гинан и Ландаэта Росалес, а также другие известные в то время историки, например, Луис Левель де Года («Современная политическая и военная история Венесуэлы») и Лауреано Вильянуэва («Жизнь доблестного гражданина Эсекиэля Саморы»), являлись типичными представителями либеральной историографии.

В начале 70-х гг. Венесуэла уже стояла на пороге «интеллектуальной революции». Еще 1861 г. в столицу прибыл уроженец Пруссии Адольф Эрнст (1832—1899). Спустя два года он основал в Центральном университете Каракаса кафедру немецкого языка, затем его единомышленник Рафаэль Вильявисенсио, горячий сторонник идей Конта, создал кафедру позитивной философии, а уже при Гусмане, в 1874 г. появилась кафедра естественной истории, где сам Эрнст преподавал учение Ж. Б. Ламарка и Ч. Дарвина, активно пропагандируя теорию биологической эволюции и постоянно полемизируя с приверженцами традиционного представления о неизменности видов. Кроме того, в стенах университета были ос-

нованы Национальный музей, различные научные общества, в том числе Венесуэльский институт социальных наук, где вели жаркие дебаты наиболее убежденные позитивисты. Благодаря им «национальная культура ушла от романтической фальши и разорвала порочный круг субъективного знания, чтобы переместиться в подлинно научную плоскость», – писал Р. Диас Санчес в связи со столетием со дня рождения Х. Хилья Фортуля, родоначальника венесуэльской позитивистской историографии³⁹. Эрнст был выдающимся ученым-энциклопедистом, и, занимаясь практически всеми известными тогда естественнонаучными дисциплинами⁴⁰, внес немалый вклад и в изучение археологии и этнологии – наук, без которых невозможно комплексное исследование исторического процесса. Его интересовали индейские языки, народное творчество (Эрнст одним из первых начал записывать стихи буквально «из уст народа»), он собирал статистические данные (при Гусмане Бланко впервые появилась национальная статистика), изучал прессу и библиографию, и, подобно А. Гумбольдту, «трудился, чтобы венесуэльцы узнали Венесуэлу»⁴¹.

Стараниями Эрнста и Вильявисенсио, у которых появилось немало учеников и последователей, эволюционная теория и позитивная философия быстро приобрели популярность среди столичной студенческой молодежи. Однако в период «гусманато» подлинное обновление коснулось лишь естественных наук – биологии, антропологии, медицины, что было в значительной степени связано с усилением противостояния между наукой и религией, которое в Венесуэле ощущалось особенно остро в свете антиклерикальной направленности политики Гусмана Бланко. Неудивительно, что научные изыскания позитивистов, их прогрессивные начинания в области образования находили понимание и поддержку со стороны правительства (это давало повод недругам Эрнста упрекать его в том, что он пользуется покровительством деспота⁴²). В области права, литературы, социологии и истории позитивистские концепции еще не стали достоянием национальной историографии, не разрабатывались самостоятельно венесуэльскими авторами применительно к латиноамериканской действительности. В последней трети XIX в. и правящие круги, и представители «интеллектуальной элиты» в основном пытались перенести на местную почву заимствованные европейские идеи – рационалистическое понимание истории, объяснение социальных и политических процессов с помощью методов, применяемых в естественных науках, представление об обществе как о биологическом организме, который живет

и развивается по определенным законам. Только в начале XX в., когда ни Эрнста, ни Гусмана Бланко уже не было в живых, в области художественной литературы и гуманитарных наук начинает утверждаться позитивизм в его «венесуэльском варианте»⁴³. Таким образом, во времена «просвещенной автократии» поддержанная либеральным правительством деятельность ученых-позитивистов привела к «революции в умах», и в результате стало возможным появление таких ярких представителей национальной позитивистской школы в социологии и истории, как Хосе Хиль Фортуль (1861—1943), Лисандро Альварадо (1859—1929), Сесар Сумета (1860—1955), которые в 80-е гг. XIX в. еще только получали образование и готовились сделать первые шаги в науке. Несколько позже заявили о себе их младшие современники – Лауреано Вальенилья Ланс (1874—1936) и Педро Мануэль Аркайя (1874—1958), будущие неопозитивисты. Все они принадлежали уже не столько XIX, сколько XX в.

В 1888 г. году на пост президента Венесуэлы был избран либерал Хуан Пабло Рохас Пауль, человек образованный, имевший большой политический опыт и разделявший идеи позитивизма. Его недолгое правление ознаменовалось основанием Национальной академии истории, торжественно открытой в ноябре 1889 г. В произнесенной по этому случаю пространной речи Рохас Пауль критически оценил состояние венесуэльской исторической науки, обратившись к анализу историографии, появившейся после 1830 г., и заявил, что в действительности «еще не написана история Венесуэлы от политического освобождения до наших дней»⁴⁴, и в будущем эту задачу должна была решить Академия, объединившая историков независимо от их политических взглядов и принадлежности к той или иной историографической школе.

¹ Антонио Гусман Бланко (1829—1899), сын одного из основателей Либеральной партии Антонио Леокадио Гусмана (1801—1884), трижды занимал пост президента Венесуэлы: в 1870—1877, 1879—1884 и 1886—1887 гг., в перерывах передавая власть своим ближайшим сподвижникам. Весь период 70-х—80-х гг. принято называть временами «гусманато».

² Velásquez R. J. Individuos de número. Caracas, 1981. P. 288.

³ Díaz Sánchez R. Evolución social de Venezuela / Venezuela independiente. 1810—1960. Caracas, 1962. P. 258.

⁴ См.: Ibid. P. 256; Picón Salas, M. Venezuela: algunas gentes y libros /

Venezuela independiente. P. 14; Carrera Damas, G. Una nación llamada Venezuela. Caracas, 1984. P. 110.

⁵ Известный венесуэльский историк Р. Веласкес отмечал, что первоначально те авторы, которые писали об исторических событиях, не были по сути историками, так как не владели методикой исследования и не отличались точностью, слепо следовали за хронистами, облекая древние легенды в литературную форму, собирали в архивах и библиотеках случайные, разрозненные сведения о неизвестных событиях, а порой и вовсе не приближались к историческим источникам или же изучали их бессистемно, не имея для этого необходимой подготовки. См.: Ibid. P. 37.

⁶ В этой связи можно назвать имена таких известных венесуэльских авторов XIX и XX вв., как Т. Фебрес Кордеро, Э. Бланко, Х. Хиль Фортуль, Р. Гальегос, М. Пикон Салас, Э. Б. Нуньес, А. Услар Пиетри, М. Брисеньо Иррагори и др.

⁷ В Венесуэле костюмбизм был связан прежде всего с изучением обычаев и культурных традиций жителей льяносов и городов (индейцев, мулатов, креолов), однако не все исследователи рассматривают его как самостоятельное направление в историографии.

⁸ Picón Salas, M. Op. cit. P. 14.

⁹ В трудах венесуэльских исследователей предпринималось немало попыток дать периодизацию истории национальной историографии. Так, М. Брисеньо Иррагори делил эту историю на три этапа: период конкисты и колонии, героический период, когда издавались работы литературного и полемического характера, в центре внимания которых находились борьба за независимость и романтическое восхваление ее героев, и научный период, отмеченный появлением и развитием историографии на основе документов, критическим переосмыслением истории Венесуэлы, в том числе с помощью идей позитивизма, официальной публикацией обширных подборок документов и пр. Р. Диас Санчес предложил несколько иную периодизацию с большим количеством этапов. Подробнее см.: Каррера Дамас, Х. Об исторической науке в Венесуэле / Венесуэла. Экономика, политика, культура. М., 1967. С. 341 – 345.

¹⁰ Díaz Sánchez R. Op. cit. P. 256.

¹¹ Цит. по: Ibid. P. 263.

¹² Briceño Perozo M. Frases que han hecho historia de Venezuela. Caracas, 1985. P. 166.

¹³ Velásquez R. Op. cit. P. 286 – 287.

¹⁴ Например, между 1826 и 1833 гг. были опубликованы документы, связанные с деятельностью Боливара, в 22-х томах, собранные Ф. Х. Йанесом и К. Мендосой. См.: Grases P. Temas de bibliografía y cultura venezolanas, v. 2. Caracas, 1973. P. 7.

¹⁵ Подробнее см: Carrera Damas, G. Op. cit. P. 84 – 86; его же: El culto a Bolívar. Esbozo para un estudio de la historia de las ideas en Venezuela. Caracas, 1969.

¹⁶ Mijares A. La evolución política de Venezuela / Venezuela independiente. P.

99; Liscano J. Ciento cincuenta años de cultura venezolana / Venezuela independiente. P. 558.

¹⁷ Soto C. H. Personajes sélbres de Venezuela. Caracas, 1946. P. 163 – 164.

¹⁸ См.: Conservadores y Liberales. Los grandes temas políticos. Caracas, 1961. P. 294 – 298; Díaz Sánchez R. Op. cit. P. 259 – 261.

¹⁹ Picón Salas, M. Op. cit. P. 14.

²⁰ Цит. по: Díaz Sánchez R. Op. cit. P. 263.

²¹ См.: Velásquez R. Op. cit. P. 293 – 294.

²² Среди известных авторов, оставивших труды исторического характера, можно назвать А. Бельо (1781—1865), Ф. Торо (1807—1865), Р. М. Баральта (1810—1866), который считается основоположником венесуэльской исторической науки, Х. В. Гонсалеса (1810—1866). Бельо и Баральт большую часть жизни провели за пределами Венесуэлы.

²³ Soto C. H. Op. cit. P. 172; Picón Salas M. Op. cit. P. 15.

²⁴ См.: Liscano J. Op. cit. P. 569.

²⁵ Picón Salas M. Op. cit. P. 15.

²⁶ Подробнее см.: Карилья Э. Романтизм в Испанской Америке. М., 1965.

²⁷ Liscano J. Op. cit. P. 454.

²⁸ В ежемесячном журнале «Мозаика» (1854—1857 гг.), помимо Кахигалья, публиковали свои материалы другие костюмбристы: сам издатель Л. Дельгадо Корреа, описывавший сцены из жизни Каракаса и обычаи горожан, Д. Мендоса, изучавший традиции и жизнь льяносов и не чуждавшийся городской тематики, а также известные своими историческими работами Э. Кальканьо, Р. М. Баральт, Ф. Торо и пр.

²⁹ Подробнее о нем см.: Liscano J. Op. cit. P. 454 – 455, 572 – 573.

³⁰ Ibid. P. 573.

³¹ Ibidem.

³² Velásquez R. Op. cit. P. 39.

³³ Цит. по: Briceño Perozo M. Op. cit. P. 177.

³⁴ Liscano J. Op. cit. P. 572.

³⁵ Picón Salas M. Op. cit. P. 11.

³⁶ Цит. по: Briceño Perozo M. Op. cit. P. 176.

³⁷ Цит. по: Liscano J. Op. cit. P. 594.

³⁸ Ibidem.

³⁹ Díaz Sánchez R. Op. cit. P. 264.

⁴⁰ А. Эрнст оставил труды в области ботаники, геологии, минералогии, ихтиологии, метеорологии, астрономии, гидрографии.

⁴¹ См.: Liscano J. Op. cit. P. 455, 545 – 546.

⁴² Díaz Sánchez R. Op. cit. P. 263. Известный венесуэльский историк Х. Л. Сальседо-Бастардо отмечал, что в Венесуэле позитивизм был единственным идейным течением, которое на протяжении 1830—1935 гг. пользовалось благосклонностью правительства. См.: Salcedo Bastardo J. L. Historia fundamental de Venezuela. Caracas, 1979. P. 435.

⁴³ «Наш позитивизм, – утверждал Р. Веласкес, – это не континанство... . Это скорее не поддающаяся определению смесь, куда в качестве ингреди-

ентов входят трансформизм, спенсеризм, натурализм, эволюционизм и, благодаря Хилю Фортюлю, гомеопатическая доза марксизма». См.: Velázquez R. Op. cit. P. 41 – 42.

⁴⁴ Цит. по: Ibid. P. 282.